

Дмитрий Гаврилов ❀ Анна Гаврилова

СМЕРТЬ ❀ ЗА СМЕРТЬ

Кара грозных БОГОВ

Кровь на мечях

Дмитрий Гаврилов

**Смерть за смерть.
Кара грозных богов**

«Гаврилов Дмитрий »

2012

Гаврилов Д. А.

Смерть за смерть. Кара грозных богов / Д. А. Гаврилов —
«Гаврилов Дмитрий », 2012 — (Кровь на мечях)

ISBN 978-5-699-57882-5

Новый исторический боевик от авторов бестселлера «Кровь на мечях»!
Русские боги против крестителей. Исконная вера против чужебесия.
Языческая ярь против христианского смирения. После гибели князя Рюрика, смертельно раненного отравленным клинком, судьба Русской земли висит на волоске – светлые боги не прощают отступников и предателей, Божий суд вершится огнем и мечом, а слабость, выдаваемая за милосердие, ведет лишь к еще большей крови... Кто станет преемником Рюрика – его старший сын, готовый ради власти на любую подлость, или его верный соратник Вещий Олег? По силам ли новому князю искоренить измену и отомстить убийцам? Достоин ли он продолжить великое дело покойного друга? Не распадется ли после смерти Рюрика созданный им союз словен, руси, варягов, чуди и кривичей? Есть ли у Славии будущее? Пусть рассудят грозные боги, чей закон: СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ!

ISBN 978-5-699-57882-5

© Гаврилов Д. А., 2012
© Гаврилов Дмитрий , 2012

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Гаврилов, Анна Гаврилова

Смерть за смерть. Кара грозных богов

Часть 1

Глава 1

Солнце клонилось к закату, когда вдали, там, где сходятся Вышний мир и Срединный, показался знакомый берег. Ладога!

Ещё день-другой назад любой бы из корабельщиков возликовал. Но в этот раз причин для веселья, да и заздравной кормчему не было. Больно горька весть, которую несут под чёрным парусом печали.

Умер великий Рюрик. Ушёл в навь достойно, как и подобает мужчине, вождю, князю. Но это не умалит горя осиротевшей земли, не приглушит завывания плакальщиц, не высушит слёзы златовласой Силкисив.

Розмич прикрыл веки, в сотый раз представляя, как ступит на пристань, взойдёт по пологому холму, минует многолюдный город и поднимется на крыльцо княжьего терема. Как встанет пред младой княгиней и, склонив голову, поведаёт дочери о смерти отца. Отведёт взгляд и, невзирая на горячие женские слёзы, расскажет о доблести, с какой разил врагов в том последнем бою, о славной победе князя над Корелой и долгой, мучительной смерти от ран. Так велел ему строгий Олег – Одд, наречённый Стрелой.

А князь и впрямь умирал медленно, поначалу никто и не понял, что вот она – Морена явилась. Раны казались несерьёзными, а сам Рюрик посмеивался: ещё одно сражение записано в памяти множеством пустяковых рубцов. Да, это сражение забудут не скоро, но виной тому не шрамы, а смерть лучшего из князей! Что теперь будет с его землями и людьми – только боги ведают. Обрушат ли они на головы смертных все неудачи мира? Или новый владыка примет на себя тяжкий груз?

Когда лодья подошла к пристани, на берегу уж толпился народ. Ладожане пожирали корабельщиков взглядами, особо нетерпеливые выкрикивали – что да как. Но Розмич, поставленный старшим, велел спутникам держать язык за зубами – скорбную весть положено узнать сперва княгине, после – всем остальным. Даже примчавшимся на берег дружинникам, из числа тех, кто под началом мудрого воеводы остался для защиты города, ни слова о гибели Рюрика не сказали...

Сумерки сгущались, были похожи на кисель. Но Розмич вознамерился тут же повидаться с Силкисив. Хоть и не принято поминать смерть ближе к ночи, а тянуть без толку. Княгине уже донесли о лодье, и не явись вестник сразу, сама поймёт. И не столько поймёт, сколько навывдумывает – бабы, они такие. Решит, что не отец, а муж любимый пал, ненароком весь терем взбаламутит, за ним – и всю Алодь-Ладогу.

Муж Силкисив – Олег, волею Рюрика наместник в этой земле. Зеленоглазый мурманин правит справедливо, народ его поболее старого князя любит, едва ли не молится. Уважает Олега и всяк северянин, и варяг, и словен.

Если о Рюрике Новгородском бабы да ребятня просто поплачут, то над известием о гибели Олега белугами взвоят. А ведь когда-то, скоро уж двадцать лет с тех времён выйдет, многие земляки нос воротили, называли мурманскую кровь нечистой...

Напоследок Розмич подозвал друга – невысокого, вдумчивого дружинника по имени Ловчан, шепнул на ухо:

- Узнай, где найти купца Жедана. И про лодью его расспроси.
- Узнаю, – пообещал тот. – Расспрошу.

Эта тонкая, статная женщина с золотыми косами и огромными синими глазами всегда восхищала Розмича. От того, что именно ему поручили стать вестником её горя, дружиннику делалось дурно. Он старался говорить как можно мягче, расчётливей, но в таком деле сколько ни смягчай да ни подбирай слова – не поможет.

Силкисив слушала рассказ мужнего гонца, как и положено княгине – молча, с каменным лицом. Только предательские слёзы застилали её небесные очи и изредка скатывались по щекам, выдавая нестерпимую боль любящей дочери. Много позже, когда рядом останутся только ближние, позволит себе разрыдаться по-настоящему, запричитать. Но пока сидит в резном кресле, пока голову стискивает княжеский венец, будет изо всех сил притворяться холодной.

– А что Олег? – спросила она, помедлив.

– Олег и Вельмуд созывают общий сход. Прежние клятвы, те, что вожди Рюрику давали, подтвердить хотят сызнова. Вся варяжская дружина Рюрика уже Олегу присягнула, потому как Удача к нему боле иных добра. Старшим теперь Инегельд.

Розмич даже обрадовался, что дозволено уйти от скорбной вести, и стал перечислять, куда да кто из знакомых Олеговой жене бояр да дружинников направился. Этот – к кривичам в самый Полоцк. Другой – уже на пути в стольный Новгород, к сводной сестре Силкисив, хотя та ещё, считай, девочка. Вельмуд – князь всей ильмерской Руси – и так всегда при Рюрике был. В Мерь да Чудь старый Валит вызвался сходить, хоть и дальняя, но родня...

Княгиня прервала его рассказ:

– А ты?

– А мне дорога вышла к вёси¹ – в самое Белозеро. Полата звать.

– Брата? Зачем?

– Прости, княгиня, про то сам сказать не могу. Князю Олегу клялся на железе, что исполню всё, как им задумано...

Силкисив, так называли её мужнины земляки, хотя родичи именовали Рюриковну Златовласой. Княгиня не видела младшего брата с того скорбного дня, как хоронили золовку Едвинду и маленького Ингоря. Боги забрали обоих внезапно, в седмицу². Сначала – дитя, после – мать.

Херрауд и Ингорь народились в один год, но навий властитель лишил Рюрика и жены, и младшего сына. А Олегова отпрыска пожалел.

Она хорошо помнила прошлогодний злосчастный травень³, как в считанные дни угасла Едвинда, сражённая внезапной гибелью своего мальчика, враз постаревшего Рюрика – с полдороги вернувшегося из похода на Корелу...

А Полат, оказавшийся в ту пору на съезде князей в Новгороде, и не скрывал от неё злобной радости. Силкисив попрекнула брата.

Но он припомнил в ответ, как много лет назад, когда восстал Вадим, может, сам Рюрик, а может, и Олег заманили мятежников в новостроенный княжий город и истребили всех. При этом Силкисив и Полат успели укрыться в детинце и сумели пережить набег поддавшихся на уловку воев Вадима. Да их мать лишилась головы под топором неистового Беса...

¹ *Весь* – финское племя, весь белозёрская, упомянута в древнерусских летописях в связи с событиями 859, 865, 882 гг. *Вепсы* – остатки этого племени, малая народность, известная и по сей день.

² *Седмица* – здесь и далее четвёртая часть лунного месяца, в будущем при христианстве «неделя», поскольку седьмой день становился для «ничегонеделания».

³ *Травень* – славянское имя мая.

– Это сами боги мстят князю за давние несправедливые дела! – говорил Полат. – Кабы нас не хранили, и мы бы пали в тот день.

Силкисив не верила в изощрённый хитростью ум отца. Чтобы вот так, да собственную дочь в качестве наживки? А мужа побоялась спросить о том и тем оберегала от гнева обоих собственного брата.

Но вот уж не минуло и пары лет со смерти Едвинды, как грозные небожители прибирают и самого Рюрика...

Княгиня вздрогнула, смахнула накатившую слезу:

– Ничего Олег боле не велел на словах передать?

Розмич понизил голос и приглушённо ответил:

– Сказал, чтобы за сыном Херраудом пуще прежнего следили б. И прежде чем кормить, сами бы пробовали на вкус.

– Да вроде бы и так... – начала было женщина, испуганно глянув на посланца.

Но Розмич приложил к устам палец и произнёс:

– Князь вскорости уж вернётся, как справит тризны дни... И обо всём поведает.

– Тогда в добрый путь! Боле не держу... – молвила Силкисив, задохнувшись, но, приложив ладонь к груди, всё же справилась с горестным криком, готовым было вырваться наружу. – Да хранят тебя боги, Розмич! – проговорила княгиня и знаком отпустила дружинника.

Едва тот вышел за порог, подскочила девка-прислужница. Поклонившись в пояс, прошептала:

– Тебя, доблестный воин, видеть хотят.

– Кто? – нахмурился Розмич.

– Дело Белозера касается, – невпопад ответила девка и заторопилась прочь. Через пяток шагов остановилась оглянуться.

«Вот уж... княжий терем! – с досадой подумал дружинник. – По тесной деревенской избе вести разлетаются куда медленней!»

Розмич не сомневался – за ним прислал кто-то из знати, вхожей в княжий терем. Он за Олеговым поручением мог отказаться от навязанной встречи, но больно любопытно стало – кто же столь проворен и хитёр, что сумел услышать тайный разговор. Да и храбр к тому же: трус не станет звать на встречу вот так, сразу.

К великому удивлению воина, девка привела в горенку. Не убогую, но слишком простую, чтобы с ходу опознать в ней прибежище первой жены князя Олега.

Она стояла посреди. Высокая, в меру пышнотелая, одетая по обычаю своей страны – в длинное цветастое платье с узкими длинными рукавами, поверх которого была рубаха плотной ткани с откинутым капюшоном. Плечи окутывало покрывало, расшитое серебряными и золотыми крестами.

Волосы заплетены в косу, собранную на затылке, гордо вскинутую голову вместо княжеского обруча венчает диадема, каких в славянских землях не найти. На белом лице россыпь конопушек, да в тусклых зелёных глазах – тоска, которая никак не вяжется с семью радужными цветами дорогих одеяний.

Прежде Розмич видел Риону всего пару-тройку раз и то мельком. Рыжеволосая женщина жила чуть ли не затворницей, с осуждением смотрела на варягов да словен и их обычаи. Народ сперва удивлялся, после – злился, не понимая, почему дочь заморского властителя таится от людских глаз, подобно ночной нежити. Остыл, прознав о горькой её судьбине...

Сам Розмич считал судьбу Рионы непримечательной: ну влюбилась дочь скоттов⁴ в зеленоглазого Олега-Одда, ну приехала вслед за ним в дикие земли словен, и что? Знала ведь – не

⁴ *Скотты* – как и другие народы континентальной Европы, западные славяне применяли этот этноним к ирландцам (самоназвание – «гэлы»). Соответственно, сам остров Ирландия – Скотия. По мнению специалистов, закрепление этого этнонима за

быть ей единственной. Не бывает так, чтобы у князя только одна жена! И нет ничего особенного в том, что Олег взошёл на ложе с другой. И если кто и виноват, что любит Рюриковну крепче зеленоокой – первой, так это она же сама, Риона. Девочку родила – не сына, а у Силкисив сразу Херрауд родился. Впрочем, горевать тут вообще не о чем – дела житейские.

Дружинник совершил положенный поклон и замер в ожидании.

Княгиня не спешила говорить, мерила Розмича внимательным взглядом, будто решая, достоин ли тот услышать волшебный голос. Наконец Риона произнесла:

– Ройзмич. Ты отправляться в Белозеро?

Воин кивнул и невольно поморщился: княгиня не сильно коверкала слова, но было ясно – по-словенски говорит редко.

– Я просить... услуга, – продолжила Риона. – Ултен, кульдей из моя свита, мечтать посетить озёрный край. – И пояснила, предупреждая вопрос Розмича: – Писать деяния вендов. Ты взять его с собой?

– Кто таков кульдей?

Розмич про то, что славяне ещё и «венды», разумел. Знал и то, что мудрый князь привлекает могущих создавать черты и резы. И всё равно хотел ответить, мол: не велено, да и поход предстоит не увеселительный. Но княгиня и в этот раз опередила:

– Божий человек⁵, кульдей странствуй по миру. Он неприхотливо и толково, – путалась Риона. – Не быть в тягость. Орвар-Одд не серчать.

Ну что тут возразишь?! Да и осмелится ли простой дружинник перечить жене князя?

– Как прикажешь, – поклонился Розмич. – Где найти этого Ултена?

...Покидая покои Рионы, дружинник хмурился.

Его беспокоил не священник, навязанный в попутчики, а странная осведомлённость первой жены Олега. Впрочем, выяснять подробности Розмич не собирался: это бабьи войны, в кои мужику соваться нельзя. Иначе, не ровён час, сам обабишься.

Ловчан поджидал Розмича у гридни. Рядом с ним стоял грузный мужик, вовсе не старый, но с окладистой рыжеватой бородой и выпученными рыбьими глазами. И хотя прежде Розмич купца Жедана не видел – сразу признал. Судя по одежде, дела у того идут неплохо. Видный человек.

– Здрав будь, – кивнул Розмич.

Взгляд у купца нагловатый, цепкий. Голос – басистый, раскатистый.

– И тебе не болеть, – слегка поклонился Жедан. – Говорят, дело у тебя ко мне?

– Верно. Я с малым отрядом в Белозеро иду, а ты, если молве верить, лучший путь знаешь.

– Знаю, – отозвался Жедан с ухмылкой. – Да только провожатым не нанимаюсь.

Розмич криво усмехнулся. Вот же лисье племя! Понял, не в провожатые зовут, а всё равно вертится, языкастость свою показывает. Что ж, плох тот купец, который без торга по рукам бьёт. Но и дружинники не лыком шиты!

– Князь Олег велел мне с тобой, на твоей лодье, идти, – сказал дружинник, снимая с пояса полный дирхемов кошель и взвешивая его в ладони. – Заодно тебя да товар охранять.

Взгляд купца не переменился, остался по-прежнему наглым. Простому человеку могло бы показаться, что и вовсе на кошель не глянул.

одним-единственным народом гаэльской (гэлской) ветви – за шотландцами – процесс очень поздний. А на рубеже тысячелетий он связывался именно с населением Ирландии. Этот этноним, скорее всего, был известен и в Киевской Руси. Параллельно со «скоттами» на – Балтии в частности и в Европе вообще – могли использоваться и другие, менее распространённые этнонимы.

⁵ Название «кульдей» произошло от староирландского выражения *Céli Dé* – «дружины Божия» или «преданные, подданные Божии». Изначально последователи Энгуса МакЭнгобана, ирландского игумена из рода королей Ольстера, затем – все ирландские монахи, как правило аскеты и отшельники, подобно отцу-основателю этого движения.

– Так ведь лодья у меня, та, что для тех рек годится, одна теперь на ходу. Невелика, да и старовата. Вот, и её латать недавно пришлось. А товара много накопилось. Коли тебя и твоих молодцов с собой брать, часть сгружать нужно, а это убытки. Кошель-то для такого дела худоват...

«Вот ведь жук!» – воскликнул Розмич мысленно. А вслух сказал:

– Ты мне зубы не заговаривай. Я по поручению самого князя еду! Ты бы всё одно каких варягов бы нанял, а тут мало что охрана выискалась, так и дирхемы сами в руки идут.

– Так и все под князем ходим, пока вот под Олегом... – развёл руками Жедан. – Слышал, горе-то у нас какое – нет больше Рюрика. Да смиростивятся над ним боги! – забормотал он, касаясь оберегов на груди. – Вдруг по старому князю всенародную скорбь объявят?

– Слышал. Тебе за то, чтоб в море скорее вышел, и серебро даётся. И за молчание. Это ты точно заметил, все теперь под Олегом, а он шутить не любит, – пригрозил Розмич.

– Ну ты сам посуди, мил-человек, коли доберёмся опять же в Белозеро, мне откель в обратную дорогу других варягов-то найти? То-то и оно!

Розмич хоть и улыбнулся быстрой смене купеческого настроения, а дельного ответа придумать не мог: всё ж не прирождённый посол, а воин. Не приучен языком чесать. Пришлось согласиться с поражением.

– А ежели в глаз дам? – подражая беззаботному тону торговца, спросил он. – Да так, что после всё своё добро знахаркам отнесёшь, лишь бы вылечили?

Купец ничуть не растерялся, наоборот – приосанился.

– Да разве пристало князьему дружиннику о простого человека мараться?

– Ты не простой, а я не брезгливый, – оскалился Розмич.

Жедан бесстрашно отступил на шаг, смерил воина новым, более пристальным взглядом, в котором, впрочем, появилось веселье.

Не слишком высок – всего на полголовы выше самого купца, сероглаз, лицо обрамляют густые русые кудри, борода стрижена. Зато плечи широки, а на ногах стоит до того крепко, что кажется, будто врос в землю. Пояс блестит серебряными бляшками, выдавая в собеседнике не последнего для князя человека.

– А не ты ли случаем тот воин, что на осенней ярмарке косолапому хребет голыми руками переломил? – хитро поинтересовался торговец.

Розмич не ответил, только оскалился сильнее.

– И бешеного коня, прозванного в народе Лютым, объездил и приручил?

Дружинник по-прежнему молчал.

– И лучшего новгородского поединщика в пыли извалял? Зубы выбил и ещё постыдного пинка напоследок отвесил...

– Да он это, он... – не выдержал Ловчан.

Купец заметно повеселел.

Слава Розмича и впрямь гремела от Ильменя до самой Алоди. И даже у самого предела сих земель народ охотно судачил о подвигах удачливого дружинника, жадно выспрашивал у заезжих, чем ещё отличился вояка. А все окрестные родители спали и видели, как бы заполучить сероглазого в зятя. Жедан же последние четыре года был в отлучке, потому и не признал в говорившем того самого – меченого. Теперь же гордился – такого человека в словесном состязании обставил!

– А у тебя и точно шрам есть? – спросил купец.

Розмич не смог сдержать улыбку, а Ловчан и вовсе расхохотался.

Пресловутый шрам, полученный ещё в детстве, вызывал нездоровое любопытство у всех без исключения. Ещё бы, ведь не абы чей коняка на голову ступил, а гривастый самого Олега, вещего князя. И мало кто знает, что Розмич, сын пахаря, в ту пору звавшийся детским прозви-

щем Роська, рыдал после этого совсем не по-геройски, целых два часа. И орал на всю округу, в мамкин подол сморкался.

Зато Олег разглядел в покалеченном мальчишке нечто особое, вот и прозванием наградил непростым – Розмич, то есть «с метой». Так и взял ревущего к себе, в отроки. Вопреки обычаю взял. Обучил сына пахаря ратному делу, а после тот добился права служить в дружине и превзошёл именитых сверстников мастерством.

– На мне этих шрамов как на псине блох! – отозвался Розмич.

Купец махнул рукой, окончательно уверившись, кого судьба подсунула в попутчики. Сказал больше для порядка:

– Ты прости, ежели что не так!

– Боги простят, а ты лодью снаряжай! – в тон отозвался Розмич.

– Так я уже. Вы как раз вовремя явились – ещё бы день, и не успели. Я на рассвете уйти собирался.

– Князь Олег – вещий, он ведал, когда посылал.

Ловчан, которому поручал разведать про купца, лодью уже осмотрел – большая, справная. Он кивнул, подтверждая слова Жедана.

– Что ж, так даже лучше, – заключил Розмич. – Поутру и свидимся.

Дружинник пристегнул кошель к поясу, нарочно не замечая разочарованного лица торговца.

«Ничего, потерпит, – решил он. – Неча было языком трепать!»

Купец, смекнувший, что плату получит не сразу, грустно вздохнул и поспешил восвояси. На ходу костеря вояку за глупую шутку – это же надо, кошель зажать! Неужто ничего лучше придумать не мог?

Розмич, наоборот, был очень собой доволен, но едва Жедан скрылся с глаз – посерьёзnel.

– Ты наших предупреди, на рассвете уходим, – приказал он Ловчану. – И скажи, с нами ещё один человек будет.

– Какой человек?

Воин соорудил недовольную мину, ответил с холодком:

– Да скотт. Из свиты Рионы.

– Человек, что ли, не ахти? – не понял Ловчан.

– Нет, поп христианский! Скотты – народ такой, за данами да англами обитают, далёко на Западе, – пробурчал Розмич и, поглядев под ноги, продолжал: – Вот не везёт! Мало, что за ночь ни горло толком промочить не успеем, ни Рюрика помянуть толком, так ещё и этот, как его... кульдей навязался. Ох, не нравится мне это! Неудачно путь начинается, кабы беды не случилось.

– А кабы и беда? – улыбнулся Ловчан, поглаживая рукоять меча.

Собеседник смерил друга внимательным взглядом и ухмыльнулся.

Да уж, чего-чего, а бед бояться не стоит – Олег с ним под поход к Полату самых лучших воинов отрядил, самых сильных. Этим что удача, что неудача – всё одно выстоят. Был бы меч верен, остальное – суета.

– Добро! – кивнул Розмич. – Стало быть, на рассвете!

Дюжина молодцов во главе с Розмичем прибыла на пристань затемно. На лодье Жедана уже вовсю готовились к отплытию – корабельщики сновали взад-вперёд, в последний раз проверяя, всё ли погружено и закреплено, надёжна ли оснастка. Сам купец стоял неподалёку и, заложив руки за спину, важно покрикивал на подручных.

Завидев дружинников, Жедан расцвёл улыбкой и поспешил сообщить:

– Ну, раз вы всё одно с нами – тады и на вёслах кого подменить сможете, коль потребность случится. Я ведь половину людей уже по домам отправил, иначе не уместились бы. А теперь всё в порядке! Так что все на борт – чую, будет нам ветер попутный!

Воины опешили не от слов – управиться с веслом дело плёвое – от наглого тона. А Розмич изогнул бровь, подумал запоздало: «Ой, неспроста Олег именно к этому купцу обратиться приказал...» И едва подвернулся случай, шепнул Жедану, чтобы шутки эти бросил: мол, сам Розмич веселье разделяет, а остальные не поймут. Ещё добавил доверительно:

– Это у вас, торгашей, в почёте плутоватый Велес, а у нас свой бог – военный...

– Да знаю, знаю! – отмахнулся Жедан, но хитреца из взгляда не исчезла.

«Вот ведь человек! – возмутился Розмич мысленно. – Уже седина на висках проявилась, а он всё хохмит!»

На этом странности не закончились.

Поднявшись на борт, мужчины обнаружили невзрачную девку, стелющую тюфяк на скамью близ места кормчего. Пристроив его таким образом, прислужница положила поверх одеяло из ярко окрашенной шерсти, пощупала – мягко ли. На недоумевающих дружинников покосилась, как голодная змея, и заспешила обратно на берег.

– Баба. Не к добру, – прошептал кто-то, и прежде чем Розмич успел озвучить свои предположения, на борт взошла Она.

Невысокая девушка с синими, как послегрозовое небо, глазами. Такие очи прежде знал лишь за Олеговой женой. И вот, пожалуйста! Румяная, но уж больно худосочная, чтобы казаться красивой простому селянину. Платье скромное, волосы убраны под тонкий белый платок заморской ткани, закреплённый простым медным очельем. Увидав толпу вооруженных мужчин, девица опустила глаза долу и улыбнулась, отчего на щеках проявились крошечные ямочки.

Розмичу показалось, что уходит из-под ног дощатая палуба, что предрассветное небо закачалось и грозит обрушиться на голову, что плеск ладожских волн стал нестерпимо громким и слышится в нём переливчатый девичий смех.

Подскочивший Жедан по-отечески обнял синеглазую, сказал:

– Вот, племянница моя любимая. Затеей зовут.

– Не к добру, – тихо повторил Ловчан, а кто-то усмехнулся куда громче. – И не страшно тебе, девица, по морю-то? Тут и ветер, и укачивает!

Щёки синеглазки вспыхнули малиновым цветом, спина горделиво выпрямилась. Но ответила не сама, дядя-купец был проворнее и куда говорливей:

– Не боится. Четыре лета со мной за моря ходит. Теперь вот к отцу, брату моему, возвращаю.

– Четыре лета?! – удивился Розмич. И поспешил пояснить, чтобы никто не подумал, будто речь о девице: – То-то я тебя, Жедан, в Ладоге раньше не видал. И где же ты скитался столько времени?

– Много где, – купец надулся важностью, подбоченился. – Так ведь в Русу ходил, в Киев... в Царьграде бывал.

– В Царьграде?! – разом выпалили дружинники.

– Да, – подтвердил тот, а Розмичу показалось – ещё немного, и купец лопнет от самодовольства. – Вот и рабыню там прикупил. Эй, девка, подь сюды!

На крик Жедана прибежала та самая невзрачная прислужница. Только теперь воины заметили, что девица если и похожа на словенку, то на сильно заморенную: кожа темней, глаза впалые, почти прозрачные, нос некрасивый – шибко длинный. Когда купец сорвал с девичьей головы платок, взглядам предстали чёрные, как ночь, косы.

– Гречка! – пояснил торговец.

– Гречиха, – поправили его самые грамотные.

– Ромейка, дурни! – буркнул седатый кормщик в кулак.

– Две бабы на лодье, – покачал головой Ловчан.

И теперь уже Розмич повторил озвученную соратниками мысль:

– Не к добру.

Кромка виднокрая кроваво вспыхнула, Дажьбог протирал очи ото сна, первые лучи пробудившегося светила озарили стелющийся над водами туман. Рассветные сумерки начали таять, как кусок снега, брошенный в раскалённый печным жаром горшок.

Жедан облизал палец, поднял повыше и заключил:

– Ветер пока слаб, но хорош. Глядишь, разгуляется. – И рывкнул, как заправский мореход: – По местам!

Сноровистые подручные уже убрали мостки, когда с пристани прозвучал зычный крик:

– Подождите! Подождите!

– Это что за худоба? – хмуро пробасил Жедан, перегибаясь через борт.

По пристани метался высокий рыжеволосый человек в длинных одеждах, размахивал руками и продолжал голосить. Большую часть слов корабельщики разобрать не могли, казалось, человек не говорит, а каркает.

Розмич хлопнул себя по лбу:

– Это же Ултен!

– Какой такой Ултен? – насторожился Жедан.

– Божий человек, говорят. С нами в Белозеро идёт.

На лице купца отразилось недоумение и вмиг сменилось озабоченностью:

– Поп, что ли, иноземный? О попé договора не было!

– Значит, теперь будет, – просто ответил Розмич. – Вели мостки взад приставить.

– Какие мостки? Зачем? – искренне возмутился Жедан.

– Затем, чтобы на борт кульдея еного принять.

Помня о словоохотливости купца, Розмич сразу перешел в наступление – расправил плечи, выпятил грудь и подбородок, грозно потёр кулак ладонью. Впрочем, старался не столько для Жедана, сколько для его племянницы – пусть видит... стать молодецкую.

– Ящер его заberi! – выругался купец, поняв, что отделаться от незваного попутчика не получится. И, вопреки здравому смыслу, всё-таки прикидывал, удастся ли усадить и священника за вёсла, коли случится в том нужда. Больно худой поп, как та же Затея, да бледный.

Ултен с мальчишеским проворством взлетел по мосткам, слегка поклонился – сперва Жедану, после Розмичу. На него глядели, как на чудо. Мало что одежды длинные, так ещё и на голове не пойми какая зараза.

Общее мнение озвучил Ловчан:

– В костёр упал?

Брови Ултена взлетели на середину лба, улыбка стала глуповатой. Обычно так улыбаются, если не расслышали или просто не поняли.

– Голова, говорю, – пояснил Ловчан, указывая на собственное чело.

Скотт бритый, но только наполовину – от уха до уха, через темечко. Отчего его лоб казался огромным. Рыжая борода была разделена на две части и напоминала рога, растущие из подбородка. А длинная одежда придавала священнику сходство с крайне уродливой, мужеподобной бабой. Нескладный, словом.

В этот раз никто не изрёк многозначительное «не к добру», потому как три «бабы» на борту лоды прочат не какие-то мелкие неприятности, и если не Всемирное половодье, то бишь Сумерки богов, так настоящую беду.

Не дождавшись от кульдея ответа, Ловчан махнул рукой. Жедан хотел сплюнуть от досады – не понравился ему полулысый, ну ни капельки! Но вовремя опомнился – дурной знак плевать на корабельные доски, а в воду – и вовсе святотатство.

– Отходим! – приказал купец, ещё раз про себя проклиная нелёгкую, что принесла на его лодью нежданного гостя.

Глава 2

Ветер и впрямь был ещё слабоват, его сил хватало лишь для того, чтобы чуть горбатить парус. Корабельщикам пришлось взяться за вёсла, но люди не роптали. Хотя гребли слаженно, берег скрылся не скоро.

«Отчего-то ведь решил купец заранее выйти на большую воду, – смекнул Розмич. – И, как видно по ватаге его, всегда так делает – не придурь».

Племянница Жедана расположилась на мягком тюфяке, близ кормчего. У её ног, прямо на досках, неподвижной тенью сидела ромейская девка. Затея то и дело бросала любопытные взгляды на Олеговых дружинников, они тоже исподволь рассматривали синеглазую девицу, тихо судачили промеж собой: каково же было бабе четыре лета по морям-то ходить. Посмеивались.

Розмич разговорам не мешал, порой и сам вворачивал ехидные словечки, отчаянно надеясь, что соратники не заметят предательского румянца, который не желал сходить с лица от самой Ладоги. Это внезапное смущение злило Розмича сильнее, чем наглость, накануне проявленная купцом.

Сам Жедан с гусиной важностью расхаживал по палубе, покрикивал на гребцов да с прищуром поглядывал на скотта Ултена. Священник сидел на носу лоды, особняком, и с каждым мгновеньем делался белее. Его губы беззвучно шевелились.

Купец сразу понял – молится. По уму, нужно осадить полулысого, а то вдруг Морской владыка, услышав слова, обращённые к чужому богу, осерчает и накажет корабельщиков? Но Жедан провёл немало времени в Царьграде и знал лучше многих – христианина проще бросить за борт, чем уговорить посидеть без молитвы хотя бы мгновенье.

Конечно, вера скоттов сильно отличалась от ромейской, об этом Жедану тоже было ведомо, но суть от того не меняется. И те и другие верят, дескать, бог-то всего один, остальные – бесы вроде бы. Ещё верят, будто жил когда-то на земле сын этого бога – Иисус. Он не разделял народ по племенам и велел всем жить в мире и прощении. За что и поплатился. Нынче ему поклоняются, как и богу-отцу, но толку? Боги-то словен некогда тоже по земле ходили, так чем этот Иисус лучше их? И что же это ещё за бог такой убитый, ещё и к дереву пригвождённый! Разве может смертный бога так уделать? Нет, спорить с полулысым Жедан не собирался...

– Погоди-ка! – крикнул купец, голос прозвучал громовым раскатом. – Суши вёсла!

– Это ещё за каким... – встрепенулся Розмич.

Жедан смерил дружинника хитрым взглядом, сказал с деланой строгостью:

– Ты, мил-человек, у себя на суше распоряжайся, сколь душа просит. А на море меня слушать будешь. Пока требы Волхову не справим, никуда отсюда не двинемся.

– Ах да! Волхову! То добре! Нельзя не почтить грозного коркодила! – рассмеялся Розмич.

Бедный скотт позеленел, когда Жедан, подхватив припрятанный до поры мешок, вышел на нос лоды. В мешке копошилось и пыталось кукарекать.

– Эй, меченый, подь сюды! – позвал купец.

Розмич вмиг оказался рядом, выхватил из мешка крупного чёрного петуха. Разжалованный властелин курятника пытался побороть дружинника, но силы оказались неравны. Купец тем временем извлёк невесту откуда большой камень, умело привязал его к лапам чернокрылого и, подхватив голосащую жертву, самолично выбросил за борт.

– Хвала Волхову! – молвил он громко, а тише добавил: – Пошли нам попутного ветра да лёгкой волны! Не обессудь, коли чем обидели...

Курые крылья отчаянно били воздух, но изменить предначертанной судьбой не смогли. Петух с громким плюхом вошел в воду, тёмные волны Алоди схлопнулись, проглотив подношение.

Жедан расплылся в широкой улыбке, заявил громогласно:

– Хорошо пошёл!

От этих слов лицо Ултена стало и впрямь зелёным, но едва кульдей взвился на ноги и перегнулся через борт, оказался в могучих объятьях дружинника. Глаза иноземца выпучились, грозя лопнуть. Розмич, кривясь, зажал священнику рот и рыкнул:

– Терпи! Сейчас нельзя! – И добавил громогласно: – Эй! Дайте хоть посудину какую!

Кто-то проворный подставил ведро, и желудок Ултена смог-таки облегчить свою тяжесть. В воздухе появился отвратительный кислый запах.

– Ну и вонища! – сказал Розмич, вытирая испачканную руку о подол монашских одежд.

Несчастный священник попытался отшатнуться от неотёсанного дикаря, да не смог – сил не было. Так и осел на палубу.

Корабельщики вновь налегли на вёсла, вскоре жертвенное место осталось позади.

И тут, как по волшебству, ветер окреп и с новыми силами уж наполнил парус, освобождая мореходов от тяжкого труда.

– А вот теперь можно и за борт! – возвестил сияющий Розмич. И добавил, кивнув на полное рвоты ведро: – И это выплеснуть не забудь.

– Дикари! – Священник вновь позеленел, и через несколько мгновений к плеску вод добавились надрывные звуки.

Уже позже, когда солнце покатилося на закат, а морская болезнь чуть отпустила, скотт ожил и пристал с расспросами:

– Я знаю ваших богов. Велес, Перун, Дажьбог... но кто есть крако... кракодайл? – спросил он Жедана.

Купец хитро подмигнул и отправил иноземца к кормчему – тот куда дольше по этим водам ходит и знает лучше.

Седатый кормчий на вопрос ответил не сразу. Для начала воздел глаза к небу, будто переносясь памятью в почти забытые времена, когда родилась эта легенда. А заговорил с таким видом, словно и сам был участником тех далёких событий:

– В века стародавние, когда мир был юн, жили в этих землях дикие-дикие люди. Их кто как кличет: кто бородачами, кто древичами, кто неврами... Мореходства не знали, землю пахать не умели, а из зверья только зайцев ушастых промыслять могли. Боги глядели на людшек этих и плакали.

И вот однажды пришел сюда великий князь Словен. При нём, как полагается, дружины. Поглядел вокруг и решил остаться. Поставил город, каких прежде тут не бывало – со стенами. Велел своим людям научить дикарей пахать и сеять, стрелы правильные мастерить и охотиться. Дикари сперва не понимали, чего же от них владыка хочет, не принимали его науку, бранились и лезли в драку. А после увидели: коли зерно сеять, по осени урожай бывает, и урожаем этим в зиму кормиться можно. Узнали, что ежели не зайца бить, а тура – мяса ого как больше! И прониклись они к князю такой любовью... что стали зваться не бородачами, а в его честь – словенами.

Князь Словен правил долго, а умирая, завещал все земли сыновьям. Про них мало что знают, да много врут. Но был один, старший, коего в землях алодских и новгородских особенно хорошо помнят. Волховом того сына звали.

Не простой человек был – в потаённый мир вхожий. Много добра людям причинил. В его память и речку, что Ильмень-батушку с Неявой⁶-матушкой соединяет, назвали. Но я не об этом.

На исходе дней своих Волхов явился к среднему брату, что Алодью правил, и попросил:

– Похорони-ка меня в кургане.

А тот ему:

– Как же тебя хоронить? Ты ж живой!

– А вот так.

И до того непреклонен Волхов был, что брат егоный согласился и сотворил всё, как старший велел. Кабы раньше слово молвил, я б тебе этот курган показал, он до сих пор над землёй высится, никакие ветра его не трогают. Да и лес могилу ту стороной обходит – не растут деревья на кургане, хоть убейся.

Но на том дело не кончилось. Едва Волхова похоронили, едва справили тризну, как в речке близ Алоди появилось чудо-юдо, коркодила. Кто видел, говаривал: морда длинная, зелёная, с рогами. И зубы – во!

Народ, недолго думая, начал на коркодилу охотиться. Сети расставляли, запруды хитрые, с кольями по дну, делали, а зверь всё не попадался. Тогда сам местный князь на охоту собрался, велел копьё готовить и луки, да непростые, а из тех, что коня со ста шагов насквозь прошибают.

И вот... явился князь на берег реки, натянул тетиву и стал ждать. День, два, три... пока руки не ослабли. А едва опустил оружие, из воды морда коркодилы вынырнула и говорит человеческим голосом:

– Ты, князь, не бей меня. Я ж не абы кто – брат твой родный. И покуда курган мой над Алодью высится, буду я, в помощь тебе, правосудие вершить. Кто добрый по воде пойдёт – не трону, а злодеев в щепки изгрызу.

Владыка сразу уверовал, что перед ним брат – по голосу узнал. Поклонился в пояс, слов ласковых наговорил и ушёл восвояси. И народу своему наказал: коркодилу не бить, а требы ей подносить. И поведал, мол, правых чудо-юдо не трогает.

Вот с той поры и повелось: хошь по водам близ Алоди пройти – коркодилу задобри!

Румяная Затея всё это время сидела близ кормщика и слушала, распахнув рот. Едва тот закончил рассказ – не выдержала, пискнула:

– А коли не задобришь, что будет? Сожрёт?

– Ну... – протянул кормщик важно. – Коли правый человек, хороший, то не сожрёт. Но напугает обязательно.

После бросил многозначительный взгляд на Затею и добавил с улыбкой:

– Хотя... Тебя бы точно сожрал.

– Это почему же? – воскликнула девица.

– А потому как сильно до девок охочий и крепкий, – хохотнул кто-то из гребцов.

Мужики грянули. Грекия опять перекрестилась.

Ултен, в отличие от девицы, особого интереса к рассказу не выказал. Наоборот – насупился, но вслух возражать не стал. Кто этих словен знает! Может, и впрямь ихний князь может три дня с натянутым луком у реки стоять!

– А я слыхал, – встрял Ловчан, который всё это время прислушивался, – дескать, Волхов не после смерти в коркодилу превратился, а перед ней. И вот когда понял, что обратно человеком стать не может, тогда и попросил похоронить. И хоронили его не в домовине, как положено, а в закрытом каменном сундуке, чтобы народ мордой коркодилы не пугать!

– Ой, ну да как же! – воскликнул кормчий. – А кто ж тогда по водам Волхова и в алодском море плавает?

⁶ Неява – старое прозвание Ладожского озера.

– Вдруг сам Ящер? – предположила Затея осторожно.

Грекия, сидевшая при ней у ног, снова перекрестилась.

– Ха! Больно ему, Ящеру, надо! Он всеми водами владеет, а коркодила только близ Алоди суд вершит!

Спор мог бы разгореться не хуже купальского костра, если бы не скотт, обронивший будто невзначай:

– В землях, откуда я родом, тоже в чудовищ верят.

Глаза Затеи вспыхнули интересом, а кормчий спросил лениво:

– И чё за чуда? И как откупаетесь?

Не успел кульдей раскрыть рот, как с другого конца лодьи завопил Жедан:

– Ты сказывай, сказывай! Но если кого накличешь – сам задабривать будешь! Первым за борт полетишь!

– Не, в монахе сём желчи много будет! Как бы животом потом чуде-юде не мучиться!

Ултен смутился, пробормотал что-то о варварах, пережитках, вере в Господа. И прежде чем Затея с кормщиком начали пытаться расспросами, поспешил уйти на нос лодьи. Останавливать чужеземца никто не стал – ведь дорога длинная, всё успеется. К тому же священник снова позеленел, и перекосило его так, что сам на морское чудовище походить стал.

– Нет у него рогов, – сказал Розмич подошедшему Ловчану. – Я эту коркодилу видел однажды.

– Видел? – изумился Ловчан.

– Да, ещё в детстве. Я тогда в деревне жил. Вышел как-то раз к реке, смотрю – что-то не то. Вроде как бревно, да только не движется, будто течения для него не существует. Пригляделся, а бревно-то с глазами.

– И чё?

– А ничё. Поглядело на меня и нырь в воду.

– И не тронуло?

– Неа, – задумчиво отозвался Розмич.

Ловчан смотрел на друга с нескрываемым изумлением, после наклонился к уху, зашептал:

– Так он ведь всем подряд не показывается, только избранным. Может, ты этого... волховать можешь?

На физиономии Розмича расцвела широкая лучезарная улыбка.

– Ага! Хошь, тебе крылья наволхую? – спросил он, кивая на тёмную гладь алодского моря. – А плавник сам отрастишь!

– Да ну тебя, – насупился Ловчан. – Я всерьёз, а ты...

Махнув рукой, Ловчан устроился рядом и принялся глазеть на облака...

Смеркалось. Для ночлега кормчий завёл лодью в маленькую уютную бухту, Жедан оставил на борту троих из своей ватаги. Остальные всем миром расположились на берегу, на широкой поляне, огороженной толстоствольными берёзами.

Споро развели огонь, сварили полбу. Запах от варева шел такой, что даже у гнездящегося неподалёку дятла слюни потекли. Ели и корабельщики, и дружинники с охотой, только ложки стучали.

Розмич с уважением отметил, что никто из людей Жедана в дороге под лавкой не лежал и через борт не перегибался, значит, моряки бывалые и хорошие. Ултен тоже поправился, и следа от недавнего недуга не осталось. А уж по тому, как уплетал варево, можно решить, будто священник здоровее любого варяга будет.

Вслед за ужином пошли разговоры, тут руки Розмича сами собой напряглись, зубы стиснулись до боли в висках. Не зря говорят: бабе на лодье не место...

Все, начиная седатым кормщиком и оканчивая Ловчаном, набивались в рассказчики. И если кормщик припоминал забавные случаи, где сам порой выступал дураком, то дружинники баяли важно. О сраженьях и воинских подвигах. Племянница купца слушала, распахнув рот, и каждого одаривала влюблённым взглядом. Розмичу отчаянно хотелось, чтобы и на него посмотрела так же, да язык почему-то заостенел.

Жедан сидел рядом с племянницей, шурился, как домашний хорь, сожравший две дюжины мышей. А Розмичу в какой-то миг показалось, будто купец заметил его смущение и молчаливо посмеивается.

От этой мысли воина взяла такая досада, что поспешил разогнать вверенную ему дюжину, пообещав с самого утра посадить на вёсла. После этой «прибаутки» Розмич удостоился-таки долгожданного взгляда. Но вместо любви в синих очах Затеи была горькая обида и осуждение.

Ночью, ворочаясь в объятьях бессонницы, Розмич придумал, что ответить Затее. И историй вспомнил с десятков – одна другой лучше. А вот почему от одного взгляда на эту девушку теряет дар речи и превращается из весёлого парня, каким всегда был, в занудного молчуна – не понял. И почему при виде её земля из-под ног уходит – тоже.

Утро нового дня явило путешественникам затянутое облаками небо. Резкий, порывистый ветер разозлил море – волны хищно бросались на пузатые бока лоды, перехлёстывали через борт. Жедан деловито облизал палец, поднял его вверх, но и без того ясно – ветер пока попутный. Сам Волхов благоволит.

Розмич тщательно скрывал досаду: при таком ветре на лодье идти не труд, а удовольствие. Перепоручив всю работу парусам, гребцы будут развлекать синеглазую Затею историями до самого вечера.

«Ну и пусть!» – неожиданно зло подумал Розмич. Исподволь глянул на смешливую племянницу купца, стиснул зубы и заспешил на борт. А ещё подумал, что за всю дорогу ни разу о смерти Рюриковой ни словом не обмолвились. Или моряки не прознали – хорошо, что быстро в море вышли, а купец хранил секрет? А может, суеверно не хотели лишний раз Морену привечать скорбным разговором.

...Опасенья Розмича подтвердились: благодаря Затее лодья мало походила на торговое судно, напоминала гнездо неугомонных грачей, волею судьбы плывущее по алодскому морю. Окажись поблизости враг – не по парусу заметит, по шуму.

Сам дружинник в разговоры не лез. Тот десяток историй, что вспомнил ночью, – благополучно забылся. Зато когда на лодье вновь принялись вспоминать о коркодиле Волхове, в памяти вспыхнула другая байка...

Дело было немало лет назад, когда он, будучи уже дружинником, впервые оказался в Алоди. Город встретил воинов без особой радости, на Рюрикова шурина – мурманина Олега – всё ещё косились с подозрением. Олег же по прибытии не стал задабривать жителей пиром, как поступали обычно, а пошёл поклониться местным святыням. Розмич, младший гридень, оказался тогда в свите, сопровождавшей князя.

Вот тогда и увидел впервые главного волхва Алоди...

Старик был бос и, как водится, седовлас. Густая борода едва ли не по траве волочилась, а подол одежд покрывал плотный слой грязи и колючие репы, подсказывая: старик не из тех, кто всё время на капище просиживает, принимая подношенья от сердобольных горожан, по земле он ходит.

Разговор Олега и волхва проходил в стороне, был недолог. Отчего-то казалось, что мир вокруг князя и старика стал гуще, обрёл новые, более яркие краски. Но Розмич этим наблюдением не заморачивался – стоял вместе с остальными и ждал.

После принесли требы кумирам, кланялись до земли... А вот когда развернулись уходить, Розмич случайно встретился со стариком взглядом и остолбенел.

Он бесчисленное множество раз видел ночное небо. Иногда оно казалось тёмным холстом, усеянным жемчужинами, иногда чудился бездонный океан, в недрах которого водится неведомое. Именно этот океан вспомнился Розмичу, когда заглянул в глаза волхва. На том и расстались.

А спустя несколько дней волхв сам появился в город и подловил Розмича, шедшего с пристани. Сказал без прелюдий:

– Ты не простой человек, Розмич. Богами отмеченный.

Дружинник хотел отмахнуться и отшутиться, как делал всегда, но рта раскрыть не смог, пришлось слушать.

– Но про это ты и без меня знаешь – судьба много подсказок тебе дала. Вспомнить хоть коня Олегова, хоть крокодилу нашу. Волхов абы кому не является. А ты знаков не понял, другим путём пошёл. Зря, Розмич. Зря. На воинской дороге слишком много горя тебе отмерено, сойди.

Розмич задумался, конечно. А как не задуматься, если перед тобой седовласый человек с глазами из бездонного ночного неба? И совет этот принял. Но с воинской стези не свернул.

Вот и теперь, вспоминая ту встречу, размышлял, что поступил верно.

И кому охота чуть ли не каждый день на капище перед богами отплясывать? Или в развороченные кишки зайца всматриваться, между печёнкой и сердцем знаменье свыше искивать? Особливо если в руках сила живёт молодецкая, а душа веселья требует. Да и от девок кому охота отказываться, когда хочется и можется?

Правда, с той поры Розмичу всё чаще сны нехорошие снились и сбывались не в пример чаще обычного. Людей иногда до того пристально видел, что казалось – ещё немного, и в самую душу провалится. Но о том, чтоб сменить меч на посох дорожный, всё равно не думал. От снов и прочих наваждений – отмахивался. Не мужское это дело во всякую чудесатость верить.

Расскажи он эту историю Затее, тут бы одним влюблённым взглядом не обошлось. Бабы страсть как загадочное и волшебное любят. Вот только делиться рассказом дружинник не собирался. Ни с кем.

– Эй, Розмич! О чём горюешь? – спросил подсевший Ловчан.

– Не горюю, – отозвался дружинник. – Думу думаю, пока вы хохочете.

Брови Ловчана удивлённо приподнялись – сколько знал Розмича, никогда за думами не замечал. А старший из дружинников продолжал врать:

– Вот представь, что если Полат, узнав о гибели Рюрика, откажется в Новгород ехать, о худом подумает. Как тогда быть?

На лице Ловчана отразилось полное недоумение.

– Выпустит ли нас из Белозера или в заложниках оставит? Или просто головы посрубают и Олегу в мешке пришлёт? – вполголоса рассуждал Розмич.

– В мешке? Да ну! Не станет Полат войну с Алодью и всем словенским миром развязывать.

– А кто его знает? Он ведь не абы кто, сын Рюрика. А Рюрик великим воином был, сколько сражений под его рукой выиграли?

– Не... – смекнул Ловчан. – Не о том ты, Розмич, думаешь. Зубы мне сейчас заговариваешь, так?

Ловчана не зря считали смышлёным. Одного взгляда на Розмича оказалось достаточно, чтобы догадаться.

– Чё? – заговорщицки зашептал собеседник. – Неужто так глянулась, что даже от лучшего друга скрыть хотел?

Вопреки желаниям Розмича, щёки вмиг покрылись ярким румянцем, который даже густая щетина скрыть не смогла. Ловчан даже присвистнул.

За Розмичем девки всегда табунами бегали. Одна, особо влюблённая, даже в гридню как-то пробралась – смеху на весь княжеский двор было. А он убегал, но не слишком рьяно. Некоторым позволял-таки затянуть себя в сети, затащить на сеновал или укромную лесную полянку. Но на том любовь, как правило, и кончалась.

Осуждать за такое никто не думал. С давних времён заведено – ребёнок, рождённый от бравого воина, удачу в дом приносит, особенно мальчик. У ворот девки, от дружинника родившей, целая череда сватов выстраивается: выбирай – не хочу.

Но, как бы ни ценили дружинники свободу и разгульную жизнь, каждый хоть раз всерьёз влюблялся, а вот Розмич будто каменный. Косы на кулак наматывал, и только. А над соратниками, что со вздохами о девках рассказывали, шутил и смеялся во всё горло. И вот... такая перемена! То-то Ловчан последний день друга не узнаёт!

– Правду говорят... – лукаво протянул он. – И на старуху проруха бывает.

Розмич вспыхнул пуще прежнего, ладони превратились в кулаки.

– Скажешь кому – шею сверну! – прошипел он.

– Тихо! Тихо! – смешно взмолился Ловчан и покосился в сторону Затеи.

Розмич заскрежетал зубами, понимая – одним этим взглядом Ловчан перед всеми корабельщиками разоблачил. Приготовился отбиваться от насмешек, крошить зубы и ломать ноги и бесконечно удивился, когда понял – вокруг ничего не изменилось. Тот же гомон, те же шутки-прибаутки, в которые звонким колокольчиком вплетается смех синеглазой Затеи.

– Расслабься, – посоветовал бывалый в таких делах Ловчан. – Когда любишь, всегда кажется, будто каждый об этом догадывается и посмеивается.

– А чё делать-то? – тупо спросил Розмич.

– Разберёмся, – хитро пообещал собеседник, чем окончательно вогнал друга в краску.

Глава 3

На Ладого ветер помогал им всю дорогу, не изменил он себе и когда вошли в обширное устье какой-то реки, распугав рыбацкие лодки, и стали медленно подниматься против неспешного течения.

– Что за воды? – спросил Розмич у купца.

– Это Свирь. А дальше – Оять будет. Молись ветру западному, потому как иначе не то что на вёслах, бечевою идтить придётся.

Мокрые, поросшие камышом берега стелились низко, правый затем слегка поднимался, песчаный и бористый, по самому краю пушистый вереском вперемешку с брусникой.

– Кабы нам пороги одолеть, считай половина пути позади! – посерьёзней Жедан.

– Но ты же хаживал здесь, и ничего? Живой! – отозвался Розмич.

– Ходил, да не на одной лодке. Тремя. Не то страх, что пороги. Мало нас, коль врасплах на стоянке застанут, не отобьёмся. Ты ухо остро держи, воин! И на баб меньше пялься, – уже совсем серьёзно продолжил купец.

– Тогда скажи своим женщинам, чтоб болтать перестали, – разозлился дружинник. – Мужики гогочут на всю округу.

– То верно, – примирительно ответил Жедан, хотя грекия была нема как рыба, а без умолку хихикала одна Затея. – Эй, кормщик! Не пора ли к берегу?

– Как скажешь, – проскрипел тот. – А по мне, так ещё пару вёрст можем идти, а там я хорошую стоянку знаю.

– Добро. Так и сделаем... А на рассвете, что ж. Семи смертям не бывать, а одной не миновать, – рассудил Жедан и подмигнул Розмичу.

«Не может того быть, чтобы племянницу любимую опасности бы подвергал, – смекал дружинник. – Не иначе, хоть и затруднителен путь, но не столь страшен, как речёт».

– Первый порог зовётся Сиговец, – продолжил пугать уже кормщик. – А другой, что за ним – Медведец. Гибельное место. Вода здесь стремительна. И так девять вёрст подряд. А со всех сторон скалы да кручи...

– Далеко ли до Онеги, отец? – прервал его Ловчан.

– Дён восемь будет, не менее, – ответил тот и добавил: – Коли на порогах оных не застрянем, конечно. Там всё одно бечевою идти. А не сдюжим, надобно с местными уговор чинить. За четыре года много могло измениться. Бывает, в одно лето берег так зарастёт, что и бечева никакая не поможет. Тогда сиди и жди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.